

Сегодня. — 1994. — Век. — С. 15

Бесчувствие скорби

В Киноцентре продолжается ретроспектива самого эзотеричного современного режиссера

Максим Андреев

Московская премьера «Тихих страниц», последней игровой картины Александра Сокурова, которую он скрывал от глаз любопытствующих ровно год, — событие. Демонстрация почти полного собрания фильмов в Москве — диковинка. Презентация книги «Сокуров», изданной питерским журналом «Сеанс», — сенсация. Пресс-конференция с Угошением в московском Киноцентре — второе пришествие.

Безудержная апологетика имени всегда раздражала. Юноши с флагами, штурмовавшие ДК электролампового завода; великовозрастные кликуши, завывающие о Первом Ученике и Наследователе Традиций, Мессианском Назначении и Русской Духовности; критики обычные и двуличные; простодушные и фарисеи — вы живы, хоть ряды ваши заметно поредели.

Злобное раздражение всегда удивляло. Что он вам сделал? На какую мозоль наступил? Вам — профессиональным снобам и высколобным любителям; патрициям и плебейам; продвинутым, тордозам и обломам; гетеросексуалам, геем и импотентам. Вы множитесь — такие разные, но объединенные ненавистью.

Книга оказалась очень хорошим и великолепно изданным фильмографическим исследова-

нием и фактически представляет собой новый этап в сокуроведении (концепция и составление — Любовь Аркус). Ряд прекрасных авторов: Майя Туровская, Михаил Ямпольский, Михаил Трофименков, Олег Ковалов, Андрей Шемякин. Документы, повествующие о борьбе Сокурова с режимом. Лабораторные записи и режиссерские экспликации. Много другое. И ни одной даже махонькой главки на боковую тему: Сокуров и среда. Общество. Тот самый контекст, вне которого, как утверждают, он находится.

Публики набилось разной — хватало и фанов, и фарисеев. Первые преобладали, и празднество превратилось в религиозное действо. Синедрион, заново собравшийся после перестройки, объявил Иешуа святым, и Пилат зачитал приветственную речь. На Голгофе уже сколачивали мраморный пьедестал. Грустный Сокуров, похожий на кэрролловскую Черепаху Квази, старательно изображал внеконтекстовость. Спрятанные под столом руки, опущенный долу взгляд. «В «Тетрис» он, что ли, под столом играет?» — злобно шипела соседка. Ты Сын Божий? — Вы говорите, что так. «Последний вопрос, и переходим к неформальному об-

«СОВЕТСКАЯ ЭЛЕГИЯ»

щению в фойе», — треть зала как языком слизнула. Кто сказал, что Сокуров и еда — две вещи несовместные? Иешуа распяли в контексте. Из черепахи сварили суп.

Старенький безотказный «Панасоник» вдруг защелкал и стал раз за разом выплевывать кассету. Не записалось самое важное: фильмам не нужен зритель, их место на полке. Воистину. Слова тоже должны оставаться на магнитной пленке, а не превращаться в газетные интервью. Нельзя читать проповеди фарисеям. Изменишься. Выронишь из кармана солнечный зайчик. Единственный правильный контекст — в полупустом зале питерского кинотеатра «Спартак»; в квартире на Васильевском острове — подле камина, у окна со ставенками, прорезанного в стене, в окружении звонящих и кукующих часов, книг, картин и снов, которые никогда не снятся.

Александр Сокуров: мой грозный судья — он ждет

— Вас долго не было в Москве. Ваши ощущения от сегодняшней столицы?

— Чужой город. Страшный. Бедный. Я вообще не люблю большие города. Раньше я приезжал сюда сдавать картины: один и тот же материал — пять раз, десять, пятнадцать. Потом очень долго все напоминало о поражениях, расправах.

— Что вы сейчас снимаете?

— Видеофильм под условным названием «Духовные голоса». Его снова финансирует Владимир Всеволодович Фотиев (постоянный продюсер последних сокуровских лент. — Ред.) — при участии «Ленфильма». Первая серия — история жизни Моцарта, затем пять или семь серий — люди на войне. Это будет длинный, подробный и очень простой рассказ о том, как наши соотечественники живут на войне, привыкают к материи войны... При этом — никакой публицистики. Летом в Таджикистане мы отсняли 80 часов изображения, и, вернувшись в Петербург, я две недели не находил себе места — тянуло обратно. Я сын военного, для меня это родные люди, понятные. 19 декабря, по-прежнему с помощью руководства погранвойск, опять вылетаю на 11-ю заставу для завершения работы: хочу снять, как там справляют Новый Год. Заключительная часть сериала «Духовные голоса» — панорама духовной музыки: российская православная традиция, древнеиудейские песнопения, а также Чайковский, Рахманинов, Бетховен. Надеемся в феврале-марте закончить работу. Продолжительность сериала — 10–12 часов, хотя, наблюдая за сегодняшней телевизионной жизнью, я не совсем понимаю, кто возьмется это показывать.

Недавно вернулся из Японии, где кроме прочего вел переговоры о документальной картине «Времена года» — о путешествии по Японии и жизни «усталого народа». Уже несколько лет думаю о музыкальной ленте «Травиата» — с современным сюжетом и музыкальной конструкцией из оперы Верди и советской городской песни 50-х. Очень тяжелый и сложный замысел. Есть и другие проекты, которые могут встать на колеса в любой момент.

— Вы очень хорошо знаете музыку — даже вели передачу на Балтийском радио. Какую роль играет звук в вашей жизни?

— Изображение — мои ноги, а звук — душа. Без кинематографа прожить можно, и, дай бог, настанет время, когда люди перестанут обменивать реальную жизнь на экранное изображение. Без музыки, без звукового пространства человеку не обойтись никогда. У меня очень большая музыкальная терпимость: даже рок и музыкальный дизайн я отвергаю не по принципиальным соображениям — просто не приемлю генетически. К сожалению, в детстве у меня не было возможности выучиться нотам и игре на каком-нибудь инструменте, а теперь — поздно. Нет времени.

Кроме того, в звуке вы менее подневольны. В изображении есть большая зависимость от терпения, мужества и таланта опера-

Фрагменты пресс-конференции в московском Киноцентре, избранные диктофоном обозревателя.

тора, от его чувства меры и любви к режиссеру... Музыка абсолютно независима. Композитор — самый свободный художник.

— Кинематограф есть движущееся изображение. Такое ощущение, что в своих фильмах вы стараетесь это движение замедлить, даже остановить.

— Очень сложный вопрос — анатомический. Такими структурными вопросами нас бомбардировали во ВГИКе, но, кажется, я был плохим учеником. Я ощущаю процесс более целостно. Впрочем... Единственной возможностью художества для меня является сосредоточенность, ко-

КОНСТАНТИН ЗАВРАЖИИ

торая не очень сопоставима с движением. Сосредоточенность — вертикальна, она точка, а не плоскость. В плоскости мне существовать не очень интересно, в точке я более защищен. Движение вообще очень опасно, у современного режиссера нет для него инструмента. Просто поставить камеру на движущуюся площадку или плечо и говорить при этом о движении — пошло, вульгарно. Быть может, только Брессон не потерпел в этом поражения. Движение как кинематографическое средство ушло в прошлое.

— Что за художественные конструкции в вашем последнем фильме?

— «Тихие страницы» — наша первая работа с художником-постановщиком Верой Зелинской. Декорацию поставили в цехах старого завода: часть изображены составили реальные фактуры двух- или трехсотлетних каменных стен, часть — стилизованная бутафория. Условия работы — тяжелейшие: 6–8 градусов при 90% влажности. К несчастью, в картине совершенно не получились панорамы: боюсь, я исчерпал возможности технологий, которыми располагаю. Точно так же наступил предел использования и звуковых средств: нам нужна «дольби», но не как инструмент, а как художественная система.

— Что означает гигантская фигура льва в картине?

— Не могу сказать определенно. Но она существовала целенаправленно, с самого начала, хотя очень трудно было ее сделать и внести на завод. К сожалению, нам не удалось сохранить скульптуру, а ведь она могла украсить какой-нибудь петербургский сквер. Впечатление своеобразное. Атмосфера.

Значительную часть настроения фильма определило появление на съемочной площадке «бе-

лой девочки» — московской школьницы Лизы Королевой. Для человека из неактерского мира участие в картине становится таким же важным и неповторимым событием, как и для меня. Актерскую природу мне очень трудно воспринимать... Актер должен быть очень предан своему режиссеру. Взаимодействие полей профессионального актера и режиссера настолько сложно, что малейшая ошибка способна погубить картину. Вы можете представить, чтобы литературные персонажи спокойно переходили из произведения Толстого к Достоевскому, а отсюда к Чехову? В мировом кинематографе это происходит постоянно. Вредная практика.

— Герой «Тихих страниц» тоже непрофессионал?

— Нет, Александр Чередник — театральный актер и снимал у нас в «Спаси и сохрани». Впрочем, во время этих съемок он утратил работу в театре и оказался без средств к существованию (Чередник ушел из Ленинградского театра им. Н. Акимовича и от его главного режиссера Дмитрия Астрахана. — Ред.). Саша — это целая судьба; необычно уникальное существо.

— В «Тихих страницах» отсутствует титр «сценарий».

— Есть титр «диалоги» — Юрий Арабов и Андрей Черныш. К сожалению, литературного сценария как такового не было: фильм снимался вживую, по режиссерскому сценарию. Так сложились обстоятельства, и это тревожный сигнал для меня. Пришлось сразу работать с пространством, объемом... И то это стало возможным только потому, что существовало внутреннее решение — каким образом распорядиться историей убийства. Мы старались не касаться эстетической собственности писателя: взяли только голую схему, кризисный сюжет, который, собственно, Достоевскому и не принадлежит. Все уже произошло, убийство не интересно, что будет дальше, а для нас история только начинается. Что будет убийцей? Хорошо, ну проведет он на каторге десять лет — и изменит свою жизнь, смоем кровь. Мне кажется, Достоевский не решил этой проблемы — ее невообразимо решить. Как жить после греха? — ведь никакое покаяние не снимает вины, не может снять.

— Один писатель сказал, что не контролирует творческий процесс, поэтому не всегда знает, о чем он собственно, пишет. Можете ли вы сказать то же самое о себе?

— Направленность дороги и та обувь, в которой вы по ней пойдете, выбираются постепенно, на ощупь. Когда я определил что могу прикоснуться к сюжету «Преступления и наказания»: Когда тяжесть тени Достоевского перестала угнетать мою душу. Вдруг я прочел, как происходило обмывание тела Достоевского: прямо в комнате, на пол постелили сено, и три женщины прикасались к его коже, передвигали его руки, вертели туловище... И мне стало уже не так страшно. Страшно не перед собой — перед соотечественниками: какую они изберут форму казни. Ничего страшнее, кошмарнее этого чувства не существует.